

ПОЗЫВНЫЕ ЭПОХИ

тренировал себя как пилота, приобретал научно-технические знания, и этот сознательный планомерный тренаж дал ему

возможность совершить подвиг исключительный по результатам; великолепный в своем светлом, радостном содержании, невообразимый по сложности и длившийся не только те два часа, но и много времени до этих двух часов с момента решения стать космонавтом. Я не могу допустить мысли, что он не думал об исключительности мероприятия и что он не летал много раз мысленно до того, как полетел в самом деле.

Этот пример, мне кажется, должен вдохновлять всякого человека, и художника в частности.

Быть может, нет еще пьесы, о которой ты мечтаешь, а если она есть, ты не знаешь, пойдет ли она в твоём театре и какую роль сыграешь в ней ты. Все мы мечтаем о хорошей, о талантливо написанной роли. Но многие ли готовят себя к практическому воплощению этой мечты?

Как больно бывает видеть, когда большую тему — если уж выдастся такой праздник артисту — исполнитель вдруг принизит до себя, вместо того чтобы подняться с ней, как на Эльбрус.

Для искусства необходимо растить в душе и большую гражданственность и натренированные средства для ее воплощения. Это необходимо.

Я не собираюсь никого учить. Я обладаю юмором и вижу себя со стороны. Я знаю, что не сказал ничего нового, что все, о чем я говорю, всем давно известно. Но иногда мысль, позоренная иными словами, наталкивает людей на действие. Мы, артисты, знаем это отлично. Двадцать раз и поразному повторенная талантливым многоопытным режиссером истина порой не находит отклика в душе и не зажигает актерского воображения, хотя он понимает, что подсказ режиссера талантлив и что это истина. А какие-то случайные слова случайного человека вдруг почему-то открывают, чего ты не в силах был понять до этого момента.

Всякое бывает.

А вдруг?... Тем более, что я очень скучаю по героической роли.

А актер? Нет, актеру превращаться в типаж недостойно и опасно. В истории нашего кино были свои «типажные» актеры или актеры, ставшие «типажными». Судьба их незавидна, хотя снимались они у корифеев мирового значения.

Американские продюсеры снимают актрису или актера, пока у публики сохраняется интерес к кинозвезде. Зная эти законы, звезда старается использовать свои природные средства, не меняя раз найденного, — до манеры держаться или причёски включительно. Таких див не интересует, какого народа, какой эпохи, какого сословия, характера является образ, который им предстоит воплотить. И сценарии для них пишутся в расчете на использование именно раз полюбопытствовавшей публике качеств. Актеры в этом полюбившемся публике качестве совершенствуются до предела. Но, кто знает, может быть, некоторые из них, боясь потерять найденное, эксплуатируют не главные качества своего дарования, оставляя в глуши большой и глубокий талант. Боясь, как бы не потерять то, что покупается, актервольно и невольно следует морали своего общества — он снимается возможно больше, чтобы... скорее обеспечить себя на всю жизнь. Он знает, что мода на него скоро пройдет и тогда он окажется в положении приглашенного с улицы — только без профессии.

Эта практика работы чрезвычайно опасна для артиста. Она ограничивает его возможности; он играет на своих жизненных привычках, а порой даже на недостатках. Она прививает художнику уверенность, что его собственная персона интереснее всего на свете, и лишает его интереса к поиску, любопытства к жизни, к ее многообразию и глубине. Нет ли за всей этой теорией желания уйти от большой пристальной работы?

Мое поколение актеров взяло от стариков иной прицел в работе над ролью.

Когда мы, молодые актеры, строили свой театр, наш руководитель, чуть постарше нас, Ю. А. Завадский, нам поручал самые трудные задачи, как получал их сам от своего руководителя Вахтангова. Таким образом ставились перед всеми нами от Станиславского и Немировича-Данченко через Вахтангова и Завадского задачи максимальной сложности, когда молодому актеру предлагалось решать роль во всем ее объеме.

Мы не плакали при неудачах, а у нас их, естественно, было больше, чем у тех, кто существует в искусстве по принципам, становящимся сейчас модными. Мы радовались сложности полученного задания, и в случаях победы наши удачи были значительны.

В этом была прелесть роста, нам некогда было стричь купоны, мы не имели ренты.

Искусство не терпит компромиссов.

Когда же молодой актер получит необходимые ему навыки? Сколько долго он должен находиться в ученичестве? Чтобы больше уметь, чтобы больше успеть, надо раньше начинать, больше работать и брать трудные барьеры. Декларации тут не помогут, нужна практика и практика.

Если чтобы научиться плавать, надо броситься в воду; если альпинисту надо лазать по скалам, а не тренироваться на наших прекрасных русских холмах;

если чтобы лететь в космос, мало владеть учебным самолетом;

если живописец должен пройти орнамент и рисовать голу Аполлона; — то и в нашем деле (не меньших трудностей!) нужна постоянная напряженная работа, чтобы, как рекомендовал К. С. Станиславский, трудное стало привычным, привычное — простым, простое — прекрасным.

С ЧЕМ и как мы придем к съезду партии? Чем и как мы ответим на призыв Н. С. Хрущева создавать такие яркие, талантливые книги, которыми люди зачитывались бы, такие фильмы, которые люди смотрели бы с удовольствием, такую музыку, которую слушали бы с наслаждением?!

Мы должны быть готовыми к достижению поставленных перед собой трудных и больших целей. Природа героизма должна быть заложена и в собственном труде. Гагарин прошел методическую подготовку,

Н. МОРДВИНОВ,

народный артист СССР

бы у каждого было всегда остро отточено оружие и направлено в цель».

Острое и направленное оружие Никита Сергеевич предлагает иметь бойцу, в совершенстве владеющему этим оружием.

Пусть живут в искусстве потерявшие мужей стареющие женщины, жаждущие тепла; пусть кипят в стремлении израсходовать недоизрасходованные силы пенсионеры; дамы, старающиеся убедить других, что они еще молоды; мужчины, посматривающие на молодых девиц; разного рода «лисики», девушки с гитарами и без гитар; всем осточертевший валидол — и прочее... Пусть говорится обо всем, что есть в нашей жизни, с юмором или злостью, или с лирикой. Пусть в искусстве будут всякие мелкие семейные дела, жизненные анекдоты, случайности... В конце концов все темы могут найти место в большой литературе, фельетоне, дружеском шарже или эпилграмме.

Но важно — на главной магистральной линии они являются ветками. Важно, чтобы вместо мелкой правды, полуправды о нашей жизни появлялась бы правда большая и потому подлинная. Важно, чтобы полуправда не пряталась за искусно найденный автором или режиссером прием, мимикрируя под подлинную большую правду, иначе хороший прием лишь делает честь режиссеру, который сумел сдобрить пресную начинку острой приправой, а автора рекомендует как изобретательного дельца, умеющего товар подать лицом.

В. Солоухин в «Капле росы» начал с простого репортажского приема, а ввел нас в самую гущу событий, ввел незаметно, ненавязчиво, но властно, поэтично, глубоко, любовно.

Что это за жанр? Репортаж, роман, повесть? Не знаю. Об этом не думаешь, а читаешь и наслаждаешься, полный уверенности, что ты это знаешь, ты это любишь и что ты мог бы написать так же и о том же, а это всегда означает, что автор достиг подлинного искусства.

Любой прием имеет право на существование, когда он вырастает из существа произведения, когда он наилучшим образом выражает содержание. Но как бы он сам по себе ни был искусен, он будет пуст и, по существу, не нужен на пустом месте.

Советский театр имеет славу историю поисков и находок. Они необходимы и впредь. И чем их будет больше, тем разнообразнее и богаче будет наше искусство. Но искать надо, как выразить новое, глубокое содержание, а не то, как скрасить его отсутствие.

Нет, у нас не так все мрачно, как может показаться из того, о чем я говорю. У нас больше хорошего, чем плохого. Чтобы перечислить это хорошее, не хватит места. Но мне не хочется и того плохого, что у нас имеется.

Имею я право не хотеть этого плохого?

В ПРОЦЕССЕ недавних творческих дискуссий было сказано все: драматургами — как надо писать, критиками — как критиковать, режиссерами — как ставить спектакли, актерами — как играть роли. Теперь дело за тем, чтобы каждый художник реализовал это в своем искусстве.

Актеры говорили меньше, а волнуют их все эти вопросы так же, если не больше.

Сейчас среди нашей творческой молодежи обсуждается вопрос об использовании своих средств по типажному признаку — такой неореализм. Наша молодая смена ищет нового в искусстве. Это прекрасно. Это двигает искусство, лишь бы за этим не пряталось... облегченное существование.

Итальянские неореалисты-режиссеры берут человека с улицы как типаж и поворачивают его в картину, как им это надо. К чести этих режиссеров надо сказать, они достигают великолепных результатов. Но это — искусство режиссера. А актер? Сыграть раз в жизни самого себя и уйти навсегда из искусства человеку, для которого оно случайный заработок, можно. После окончания съёмки он будет продолжать жить своей прежней жизнью, прежней профессией, к искусству отношения не имеющей.

ский... Я говорю о том, как факт или явление жизни, переплавленное жаром сердца, превращается в искусство, которое волнует больше, глубже и дольше, чем сам факт.

Увы, как члену художественного совета мне порой приходится читать такие пьесы, а как актеру — такие сценарии, когда начинаешь сомневаться, да знает ли автор, что он делает, известно ли ему, что известно всем и каждому, и принял ли он на вооружение эти знания или он ими пренебрег?

Ведь порой принадлежность пьесы-сценария нашему времени можно определить лишь по фамилии ее авторов да по двум-трем злободневным фразам, но стоит вымарать их, и пьеса повиснет вне времени и пространства.

А между тем каждый день приносит такое, что мы, привыкшие к разному и масштабному, диву даемся.

За короткие стремительные месяцы мы явились свидетелями ряда спутников, ракеты на Луну, вокруг Луны, к Венере; узнали о колоссальных электростанциях — водных, тепловых, атомных; узнали, как укрощались и были обузданы бешеные реки; о волнующих воображение проектах переброски вод с одного конца земли на другой; о громадных залежах ископаемых; гигантах-заводах, целине и прочем. Одно это перечисление — фантастическая поэма, перед которой никнут романы Жюль Верна. И это наша явь.

Не успеваешь отреагировать на одно, тебя уже тревожит другое.

И сам собой возникает вопрос, как же так: в наш героический век, в нашей героической стране с ее истинно героическими делами, с героическим народом — героическая тема в искусстве стала сникать.

А почему бы нам не вдохновиться примерами людей, которые на седьмом десятке своей кипучей жизни развивают энергию, которой может позавидовать юноша?

Почему бы не поговорить о летчике, который передает по радио с развивающегося самолета, с высоты тринадцати тысяч метров, свои наблюдения о том, что произошло с машиной, что в будущем надо устранить и что в дальнейшем на таких машинах не надо делать! О себе он вспомнил лишь в последнем дошедшем до земли слове: прощайте...

Это — беспримерное мужество самообладания в преодолении жизненно оправданного и всем понятного инстинкта ради того, чтобы в будущем спасти летчиков и пассажиров.

А тема Никитины—Оффмана! А врач из Мирного, который в течение двух часов делает себе операцию аппендицита!

А четверо в океане!..

Всего не перечтешь.

Я не говорю, что именно эти случаи надо взять за основу будущих произведений, хотя и они достойны того; я говорю о том, какими удивительными и разными характерами обладают наши советские люди, какое мужество — завидное и покоряющее — они проявляют.

Сколько людей на свете могут поднять своим примером подобные характеры! Как работают образы Павки, молодого гвардейца или Мересьева на формирование индивидуальности человека!

Я ДУМАЮ, что нам надо загореться темой героического наших дней, жить ею, пережить ее — переплавить в своем сердце, сделать ее для себя жизненно необходимой — и тогда...

Тогда мы будем иметь героический театр, так необходимый героическому народу, как об этом говорил еще Горький.

Я не ратую за то, чтобы человек, от природы награжденный тенором, пел басом. Нет. У тенора — свои голосовые достоинства, у баритона — своя глубина, у баса — своя сила воздействия. Пусть каждый из певцов нашей неповторимой действительности поет только своим голосом и в своем диапазоне, но звук его голоса не должен быть «белым», неосмысленным, не «оперным», но глубина звучания песни не должна быть обмельчена, не должна быть ниже художественных и гражданских возможностей самого певца.

Тема может быть выражена в любом жанре, но не поверхностно.

Н. С. Хрущев говорит, что в нашем походе к коммунизму, как в армии, все рода войск необходимы и важны. Он сказал: «Каждый важен на своем месте, если он хорошо выполняет свои функции, важно, что-

КАЖДАЯ эпоха знает свои позывные. Имеет свои позывные и наше время — эпоха беспримерного мужества, проявленного в строительстве нового общества, его защиты, эпоха грандиозных взлетов творческой мысли и претворения ее в духовные и материальные ценности.

Как сказал Никита Сергеевич Хрущев: «Веками вынашивало человечество мечту о справедливом общественном строе, о коммунизме. Но лишь нам, советским людям, выпало счастье первыми в мире начать воплощение этой мечты в жизнь... С чувством большого удовлетворения можно сказать, что под руководством Коммунистической партии воспитаны поколения советских людей, беззаветно преданных делу коммунизма, высокие моральные качества и героические дела которых вызывают восхищение и глубокое уважение трудящихся всего мира».

И в этом строительстве новой жизни отдельный факт порой волнует больше, чем искусство, созданное на его основе.

Я, как и все мы, не знал, кто и когда полетит в космос, кто и как готовится к этому подвигу. Я знал лишь, что желающих его свершить много, и знал, что этот подвиг вот-вот будет свершен. Все это, что называется, носилось в воздухе, и уже сам этот факт не оставлял меня равнодушным.

Факт — не искусство. А как часто в нашей действительности он волнует так, что мне, работнику искусства, завидно.

Искусство выросло из духовной необходимости человека выразить то, что его взволновало, чтобы, делясь своим волнением, взволновать им других. А нам, художникам, приходится завидовать факту, которому чужды эти задачи. И я с горечью думаю, что в конечном счете мы повинны в том, что дали повод возникнуть вопросу о физиках и лириках. Пусть он не нов, этот вопрос, и в истории культуры человечества возникает время от времени. Важно другое — что возникает он тогда, когда отстает искусство.

Драматург — не фотограф и фотопортретист. Он художник, мыслитель, исследователь жизни, ее активный созидатель — инженер душ. Его задача заключается не в умении ловко использовать случай, а в осмыслении, обобщении жизни на основе случая, когда частный случай перестает быть частным и становится искусством, вошедшим в себя жизнь общества во всем ее объеме.

Гольдони собирался написать сатиру на свою неверную возлюбленную, но, захваченный правдой жизни, не сумел лгать и пропел дифирамб истинно человеческим отношениям — создал пьесу о трактирщице.

Не будь гениального драматурга, мы не узнали бы историю об Отелло, Дездемоне, Яго и не жила бы она в веках, хотя толчком к созданию великой драмы послужил случай, описанный в новелле Чинтио, как мучимый ревностью негр убил свою белую возлюбленную.

Создали на основе как будто небольших, как будто местного значения фактов большие, общечеловеческие документы Островский, Лесков, Достоев-